

ЭЛЕГИИ ЗАТВОРНИКА

Александр Сокуров — гость и участник сочинского фестиваля, где в конкурсе его картина "Мать и сын" и где началась ретроспектива его фильмов. Он прилетел на фестиваль после того, как было объявлено о присуждении ему Государственной премии России. Значит, наконец-то официальное признание, внимание в среде профессионалов? ("Кинотавр" — первый отечественный фестиваль, пригласивший Сокурова, и это делает ему и его организаторам честь.)

Можно, конечно, посчитать все эти внешние формы и знаки отличия запоздалыми и, в сущности, ненужными человеку такого таланта, режиссеру, известному во многих странах и отмеченному наградами престижных международных фестивалей. Но можно (и это будет вернее) порадоваться тому, что все-таки судьба иногда бывает справедливой. Если чего и не хватает Сокурову — так это, как ни парадоксально, признания, внимания и понимания в своей стране, дома.

Сокуров двадцать лет в кино. Снял более тридцати картин, игровых и документальных (все снятые им до перестройки 11 фильмов на экран не вышли и были под запретом). Он — постоянный и желанный гость крупнейших западных киносмотров. "Мать и сын" уже отмечена на Берлинском кинофестивале, показана в Сан-Франциско. А уже готова следующая картина — "Смирненная жизнь", снятая в Японии, в горах, в провинции Нара...

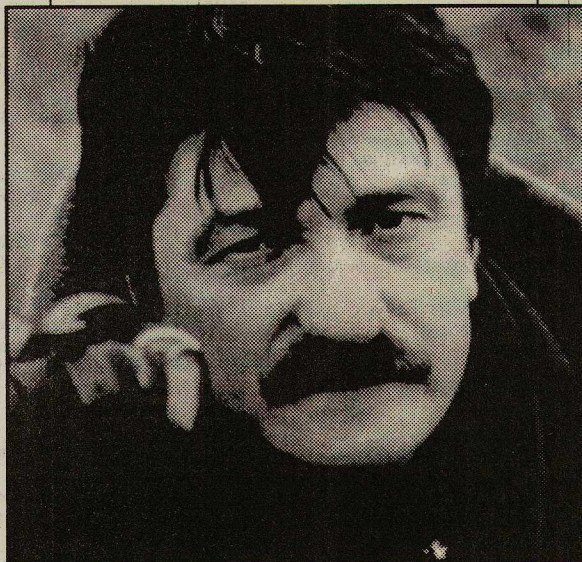
Сокуров поразительно работоспособен: "Просто я такой, не могу без работы, я и в любом другом деле был бы таким". Только за последние два года — две названные картины и еще сериал "Духовные голоса", снятый на погранзаставе на таджикско-афганской границе, в боевых условиях. Его редкостная производительность при этом не имеет ничего общего с работой на конвейере, с конъюнктурой и ширпотребом. Он делает — буквально! — штучное кино, иногда вручную (сама видела макет к "Восточной элегии", на экране обернувшийся туманным островом). Он часами ставит один кадр — как живописец часами может прорисовывать одну деталь пейзажа, лица или руки. Он виртуозно работает со звуком, с музыкой: с детства много слушал радио, и для него едва ли не самое выразительное, таинственное и хрупкое — звук человеческого голоса, дыхание души. И фонограммы, музыкальные партитуры его картин — самоценные уникальные творения. Тихой классической музыкой — **Моцарта, Чайковского, Рахманинова** — озвучена и его питерская квартира: "Литература и музыка — в этом для меня защита, спасение в жизни".

А кино? Кино для Сокурова — искусство новорожденное, вторичное, в котором еще и азбуки не создано, а немногие гении открыли всего несколько букв.

Сокуров делает в кино нечто тончайшее, нематериальное. Он материализует, облачает в грубую кинематографическую плоть бесплотное, неуловимое, зыбкое (порой с помощью сложнейших технических эффектов): дыхание близкой смерти или потустороннего мира, как в картинах "Мать и сын" или "Камень", томление двух душ друг по другу и их не-

возможность смириться в "Одиноким голосе человека"...

Он пытается говорить, с беззащитным бесстрашием искренности, на языке кино о невозможном, о сущностном, о главном. О том хрупком, к чему прикасаться и в словах, и в мыслях небезо-

пасно. Но — к невозможному летят наши души", это его любимый **Платонов**.

О чем его фильмы? Собственно драматургии, сюжетов, событий, движения — почти нет. Долгие безмолвные кадры — точно сосредоточенное созерцание. Едва слышные порой шелест ветра, шум дождя, музыка, голоса. Печальный закадровый голос автора — "одиноким голос человека". О чем его фильмы? Об одиночестве. О смерти. О Боге. О

любви. Хотя ни одно из этих понятий не формулируется, не называется. Определен, пожалуй, лишь жанр: большинство его картин — элегии.

"Мать и сын"... Кажется, эти двое — одни в целом мире, посреди Вселенной. Когда, где происходит действие — неважно, потому что главное — нежность двоих, которые когда-то были одним целым, одним существом. И теперь сын выносит на прогулки на руках умирающую мать бережно и осторожно, как когда-то носила его она. Мать больна, она умирает. Ему, сыну, жить. Вечный сюжет. Рано или поздно его переживает каждый. Это уже было в сокуровских "Круге втором" и "Камене": соприкосновение со смертью. "Счастливы близкие наши, умершие раньше нас", — это из "Круга второго". "Мать и сын" — будто бы о том же. Но этот фильм мужественнее, мудрее и, как ни странно, светлее. Не считая себя верующим — в простодушном, не в общепрофессиональном смысле, Сокуров снял — по сути без пафоса — глубоко христианскую и очень простую картину. "Мы еще встретимся с тобой, мама", — так просто, так ясно. И так логично и цельно смыкается "Мать и сын" с предыдущей "Восточной элегией" и с последней, новой, "Смирненной жизнью"...

Сокуров — самый закрытый, замкнутый человек в нашем кино. Не мелькает, не тусуется, не суетится.

По образу жизни — российский мастеровой.

По духу — подвижник.

По натуре — затворник.

Присутствие его и его работ на фестивале — неожиданный, добрый и, надеюсь, не последний знак.

Марина МУРЗИНА,
"Кинотавр".

Мок. правда. - 1997. - 4 мая. - с. 11